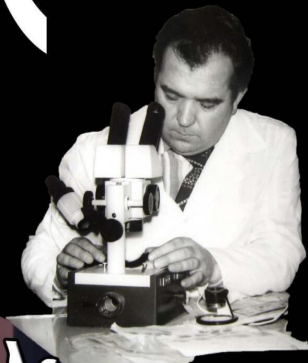

ТАНЯ СТАР

ПО СЛЕДАМ МОНСТРА

**ФАТУМ
ЧАСТЬ I**

18+

Таня Стар
По следам монстра.
Серия Фатум. Часть 1
Серия «Фатум», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54122549

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06504-8

Аннотация

В городе орудует маньяк. Криминалист найдёт убийцу, когда все грани пазлов сложной картины совпадут. Однако, никогда не знаешь, что уготовила судьба. Обложка создана Татьяной Левченей из описания желаемой картинки при помощи генератора изображений lexica.art.

Содержание

От автора	5
Глава I	6
Альфа-самец	6
Глава II	29
Сон в руку	29
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Таня Стар
По следам монстра.
Серия Фатум. Часть 1

Звериный голод – разрушает личность, а творческий голод – создает красоту!

Таня Стар

От автора

В надежде всколыхнуть общество я, отбросив ложный стыд, написала правдивую историю о людях живущих рядом с нами, чтобы каждый не проходил мимо насилия, спрятанного за стенами.

Глава I

Альфа-самец

Весна золотилась игривым солнцем.

Пробасил звонок, возвестивший о школьной перемене. Учащиеся стандартной средней школы раскатились по двору, будто сентябрьские арбузы с тормознувшего на светофоре грузовика. Словно гомон чаек на рыбьем пиру, шумело стоголосое царство. Девичий щебет минорно выбивался из общего хора, ведь каждая старалась перекричать всех и вся.

Гул заполонил дворовое пространство и, будто щупальца спрута, распластался за пределами школьного двора.

Мальчишки гоняли мяч, состязались в силе и ловкости; девочки прыгали на скакалках, первоклашки играли в «резиночку» и «классики», оттачивая мастерство.

Детвора постарше развлекалась иначе. Заигрывая, мальчишки дёргали девочек за косы, а те визжали. Счастливая детвора носилась до седьмого пота, успевая в короткий срок победить видимых и невидимых врагов, посплетничать, перекусить и доучить урок.

Учебный год заканчивался. В предвкушении каникул дети, устав за год учебы, озорничали. Каждый делился с друзьями планами на лето.

Любители деревенской жизни собирались к бабушке, другие в пионерлагерь, везунчики готовили чемоданы для путешествия с родителями к морю.

Подружки в школьных платьях до колен с кружевными белоснежными воротничками в накрахмаленных фартуках убежали прочь от назойливых мальчишек, срывающих пышные банты с волос.

Чтобы в тишине посплетничать, девочки поспешили уединиться от драчунов во фруктовом школьном саду.

Перебивая друг друга, пятиклассницы тараторили, осмеивая неказистых мальчишек. Асфальтированная дорожка превратилась в нестройную тропинку, и они пошли вдоль плотного двухметрового деревянного забора. Осталось пройти полсотни шагов к калитке, чтобы зайти в сад.

С приходом весны сад вспыхивал неуёмной страстью к жизни, возрождался после зимней спячки. Насыщаясь влагой из недр матушки земли. Сад набухал почками, взрывался фейерверком бутонов и благоухал миндальным ароматом лепестков. Утопая в нежно-розовом цвете, проказник намеренно источал многообразие запахов, привлекая насекомых.

Обескураженные душистостью, пчелы жужжали, радостно купаясь в чреве цветов. Неутомимые шмели, наслаждаясь карамельной сладостью пыльцы, превращали сад в живое существо.

Неистово цветущий и волнующе-сексуальный весенний

сад жаждал плодоношения.

После зимы в нём просыпалась кипучая энергия, безумная сила и могущество.

Перемена длиннее первых двух на четверть часа предназначалась для обеда. Пренебрегая школьной столовой, ученицы охотно поедали домашние бутерброды на свежем воздухе. Подружки ускорили шаг, чтобы до звонка на урок побывать в цветущем саду.

Рыжеволосая девочка, так артистично восхищалась ежиком, сделанным телеведущей из свежего яблока в телепередаче для детей, что все моментом умолкли:

– Он т-а-акой м-и-иленький получился! – девочка подробно описала поделку.

Длинноногая смуглянка перебила:

– Да! Я вчера видела эту передачу. Очаровательный, будто сказочный, еж. Иголки у него были, как настоящие. Пока яблок в магазине нет, мама предложила сделать его из картошки.

– Какая умная мама, – рыжие брови девочки поползли вверх от удивления, сморщив конопущатый лоб. – Ни за что не додумалась бы использовать картошку.

– Вчера мы делали ежа пером от чернильной ручки, – достав из кармашка на фартуке перо витиеватых форм, она показала его девочкам.

Перо пошло по рукам.

– А у меня нет телевизора, – передав перо по кругу, жа-

ловалась пампушка.

– Осенью, когда в нашем саду будет полно яблок, мы вместе сделаем ежей. Это легко. Сначала надо разрезать яблоко пополам, воткнуть во фрукт перо, стороной его крепления к ручке, и провернув, вынуть мякоть. Затем вставить вырезанную часть обратно в дырку, другой стороной. И вот вам одна ежовая иголка готова. Их понадобится много, – рыжеволосая девочка на одном дыхании выдала все, что знала.

– Супер! – выставила палец вверх пышечка.

– Я тоже хочу, – нудила, шепелявя, без передних зубов первоклассница, дергая за руку худощавую сестренку.

– Хорошо! Сделаем... – она погладила по макушке сестру.

Группка была почти у цели, до калитки оставалось дюжина шагов.

– Стойте! – прикрикнула высокая девочка.

Она остановилась и, прикрыв ладонью рот, повернулась к остальным:

– Что это там? – вытянув вперед ладонь, она указала на дыру в заборе. Девочки остановились, будто вкопанные.

– Видите? – прошептала девочка, выпучив полные ужаса глаза, что казалось, они выскочат из орбит.

– Не пойму... что там? – смуглянка, разглядывая забор, тянула слова и порывалась приблизиться.

– Нет! Стой! – шепотом приказала лупатенькая школьница. – Кажется это мужчина. – Она обвела взглядом девочек.

– Точно, пацан! Иначе, – это не торчало бы... – пампушка

взглянула на торчавшую в дырке забора часть тела и выдохнула: – Ужас!

– Что он делает? – худышка отошла на пару шагов, готовая в секунду убежать, не желая пугать сестренку.

– Он писает? – младшая, запрокинув голову, спросила сестру и, дергая за руку, взглядом вымаливала ответ.

– Может... писает... – прикрыв глаза ладонью, она развернулась, чтобы уйти.

– Ага, писает!.. На виду? Да? Дырки не заметил? – смуглянка осуждающе покачала головой. – Нормальные люди прячутся, а этот наоборот...

– Наверное, у него с головой не в порядке... – высокая девочка покрутила пальцем у виска.

От стыда все хихикали. Затем, осознав опасность, бросились к дверям школы. Вдогонку летел мужской возглас.

Завизжав, ученицы пустились наутек.

Запахавшаяся группка остановилась у порога школы, девочки растерянно глядели то в сторону сада, то друг на друга. Мужскую плоть дети видели впервые, и что делать с новыми познаниями в анатомии не знали.

Осмысление увиденного нагого тела на мгновение парализовало девочек. Когда школьницы очнулись, они пошептались и, упорядочив мысли, отважились рассказать о мужчине учителю физкультуры. Он сильнее всех в школе, а значит достойный защитник.

Сан Саныч нравился детям. Справедливый, он внушал до-

верие и мог спасти от любых врагов.

Открыв дверь кабинета, толпа, переминаясь с ноги на ногу, не знала, что сказать и с чего начать:

– Здравствуйте, Сан Саныч! – пропищал нестройный хор.

Физрук учуял напряжение в коллективе:

– Здравствуйте!

Повисло молчание.

– Ну что, золотые, проходите! – махнув рукой, он пригласил переступить порог. – Что случилось?

Весьма нелегкая задача озвучить то, с чем столкнулся впервые в жизни. Каждая из девочек хотела, чтобы не она рассказала учителю то, чему нет объяснения. Школьницы топтались, не смея начать:

– М-м... м-м... – и сразу умолкли, ожидая, кто первый оповестит о происшествии.

– Не молчите. Говорите, зачем пришли, а то перемена закончится.

– Там в саду... – нерешительно мямлила староста класса, – странный дядя... – Стыд замкнул уста, взгляд уперся в пол.

– Ну, что... что случилось? – взволновался физрук и вскочил со стула, одергивая спортивное трико с пузырями на коленях.

– Ну... это... – продолжила пампушка, – глупости показывал...

– То, что мальчиков отличает от девочек, – найдя дели-

катный ответ, доложила веснушчатая школьница и покраснела до ушей.

– Глупости?.. – Саныч насторожился. – Какие?

Недоумевая, физрук переводил взгляд, отыскивая желающих рассказать подробности.

– Ах! Стыдно об этом рассказывать, – девочка с чёлкой, раздумываясь до корней волос, прикрыв ладонью губы, приснула от смеха.

Учитель, ощутив что-то неладное, занервничал, присел на корточки в уровень малышей, и подбодрил несмелых школьниц:

– Ну, говорите скорее! А то, как же я вам помогу? Двоек не ставлю за правду...

– Там... в школьном саду! Он за забором прячется...

– Вы шутите? Урок желаете пропустить? – физрук оценил правдивость сказанного, чтобы понять, что видели ученицы, и уточнил: – Это не розыгрыш?..

Увидев взволнованные лица, решил выслушать рассказ до конца.

– Где точно?.. покажете?

– Т-а-ам!.. – нестройно спел хор, указывая в сторону сада.

– Пошли со мной!

– Хорошо! – крикнули они разом.

Он повел подопечных на улицу.

– Ведите, братцы, меня к злодею!

Завернув за угол здания, школьницы указали на забор:

– Там... у калитки – осмелела рыженькая девочка.

Догадка, будто крапивой обожгла учителя, и лицо покрыли бордовые пятна. Запретив девочкам следовать за ним, он приказал идти в школу и прислать в помощь второго физрука. Задача его была – не дать неокрепшей детской психике подвергнуться повторному страху.

Не было времени разрабатывать стратегию поимки негодяя, и бравый защитник выбрал простую тактику, – догнать.

Добежав до середины забора, Сан Саныч приостановился, чтобы не спугнуть объект и, крадучись, посмотрел на штaketник. В нем, сквозь тонкие щели, виднелась низкорослая фигура на четверть ниже забора, а из дыры на уровне бедер торчали мужские гениталии.

– Ах, ты, гаденыш! Это, уж, слишком! – обозлился физрук, у него даже во рту пересохло от наглости непрошеного гостя.

Поджарый спортсмен резким выпадом хотел схватить фаллос, но мужчина по ту сторону забора ловко увернулся и бросился бежать вглубь сада. Частый штaketник мешал разглядеть внешность.

Учитель понял, что мерзавца не догнать, нет времени, чтобы рассмотреть его. Не упуская из виду беглеца, он лишь отметил, в какую сторону тот направился.

Цветущий сад укрыл хрупкую спину антенщика.

Прогибаясь под ветками старых яблонь и, увертываясь от колючих веток белой сливы, нарушитель спокойствия дра-

пал со всех ног. Серая одежда маскировала его в густых ветках, а толстые стволы прятали тщедушное тело. Извращенец неся изо всех сил, но, ровно бабочка, легко взлетал над землей.

Учитель устремился к калитке.

– Надо милицию подключать. Пусть они разбираются, кто он и что с ним делать, куда определить бесстыжего наглеца, – в психушку или тюрьму.

Сан Саныч влетел в проем калитки и, упустив золотое время, на секунду замер, чтобы краем уха зацепить шелест листьев под ногами бегуна. Он пригладил взъерошенный смоляной чуб, и через мгновение его слух ухватил треск сухой ветки в глубине сада. Теперь учитель знал, куда бежать.

Яблоневые лепестки, тронутые весенними заморозками, разлетались из-под белых кед учителя, раскидистые ветви стегали вспотевшее лицо, а обладатель наград по легкой атлетике, не замечая боли, слышал только гулкий стук здорового сердца, забивающий иные звуки. Сад ополчился против физрука, укрыв ветвями преследуемого мужчину.

Получив подножку от старой яблони, учитель перелетел через торчащий на четверть метра корень и ударился плечом, содрав до крови кожу о корявый ствол. Чертыхнувшись, он распластался и стыдливо оглянулся, нет ли поблизости детей. Теряя из виду цель, молниеносно вскочил и, защищаясь от ветвей, рванул с новой силой.

Сад, будто извиняясь, расступился, и учитель ухватил бо-

ковым зрением шуплую спину преступника.

– Глупые девчонки! Обломили кайф, – убегая от преследователя, любитель женских взглядов сплюнул липкую слюну.

Тяжело дыша от кросса, он думал: «Этот слабак, не такой превзойдённый мастер эрекции, как я, может и убить».

Он жаждал удовольствия и вышел на охоту днем в школьный сад, чего раньше не делал. Больше часа он ждал с круглой попой старшеклассницу. Мечтал, как она увидит его огромный мужской член, достойный лавров победителя.

Услышав шаги, он взглянул в щель штакетника и понял, что кто-то крадется. Обнаружив опасность, любитель наслаждений, увернулся от волосатой руки накачанного мышцами мужика, покушавшейся на его плоть.

Ужас перед расправой сковал его тело пудовыми гирями. Сообразив, что за забором крепкий спортсмен, он мгновенно натянул штаны и бросился прочь.

Ноги от страха казались свинцовыми, передвигались с диким усилием, словно он был парализован. Сердце бешено колотилось, будто хотело покинуть тело через рот. Его задушил адреналин, и он почти не дышал.

До сих пор ему удавалось прятать лицо за плотным забором или под раскидистым деревом. Он дрожал от мысли, что пришел час расплаты и громадный мужик предаст его анафеме.

Тренированный самец гнался по пятам.

Стратег, изучив ранее пути отхода, радовался, что знал, где ему спрятаться. Трусливый, он петлял, не разбирая дороги, и ругал себя, на чем свет стоит:

– Зачем пошёл? Вот дурак... теперь конец мне... – он матерился через слово. – Столько мест вокруг. Так глупо засветился. В сад больше ни ногой. Ночь – мой охранник. День хорош, но опасен... хотя? эти взгляды! телочек...

Он пересёк две трети сада, обернулся и заметил, как экс-баскетболист упал, увеличив его шанс на спасение. Бег стимулировал мыслительные процессы в его слабой голове:

– Проклятые мартышки! Это они виноваты. Ябеды – наравили учителя. Оторвать бы им косы... – с ненавистью в сердце мститель нёсся без оглядки.

Молодость, гибкость и время были на его стороне. Улепечывая, он уже не разбирал препятствий, ровно испуганный лось, бежал напролом.

Прибежище он присмотрел заранее, чтобы, в случае опасности, было куда исчезнуть. Заячья натура знала тропы спасения из любой засады.

С лёгкостью акробата перескочив через забор, он нагнулся и, симитировав завязывание шнура на пыльных кедах, резко стянул куртку, оставшись в белой с грязным воротником рубашке. Вынув из кармана кепку, длинноволосый кент надел ее, натянув козырек на лоб. Затем быстрым шагом пересек проезжую часть. Не суетясь, умелый маскировщик, за-

тесался среди людей на оживленном тротуаре.

Физрук отчаялся. Осознав, что время упущено, ускорившись, перемахнул через двухметровый штакетник. Оказавшись по другую сторону забора, он огляделся и увидел мирно живущий перекрёсток. По тротуару шли люди, машины ехали на зелёный свет. В обеденное время здесь многолюдно.

Сан Саныч рванул по главной улице и, не обнаружив искомый силуэт, вернулся на второстепенную дорогу, однако, нарушителя спокойствия не нашел. Он опросил людей, задавая один и тот же вопрос: «Видели ли вы в серой ветровке щуплого мужчину?»

Пожимая плечами, люди отвечали: «Нет». – «Не видел». – «Не обратила внимания». – «Не знаю». – «Извините, я спешу».

Мерзавец, будто растворился.

Не привлекая внимания, он невидимкой проскользнул в подвальное окно соседней пятиэтажки, прикрыв его изнутри ранее подготовленным деревянным щитом. Спасительные минуты надежно спрятали его от врагов. Теперь никто не найдёт.

Смутно осознавая, что сотворил нечто, не укладывающееся в понятие законности, он дрожал каждой клеткой тела, в ожидании расплаты. Звериная интуиция помогла вовремя спрятаться. В его сердце разросся страх, что другой самец найдет его надежное пристанище и оторвет голову.

Сморщив гармошкой искривлённый нос, он смешно пере-

косил неказистое лицо. Пересохший язык приклеился к нёбу, лёгкие ходили ходуном, сердце стучало в висках. Опираясь ладонями о колени, он, оголив кривые зубы, короткими вдохами восстанавливал сбившееся дыхание.

Утихомиривая растрёпанное сердце задержкой на вдохе, он прислушался к шороху. Тишина успокоила, и он медленно выдохнул. Сглотнув, он ощутил шершавое горло. Боязнь оказаться лицом к лицу с крепким мужиком, парализовала его мысли.

Выждав время, антенщик понял, что опасность миновала, как когда-то в городском парке, когда он попал под горячую руку кавалера одной из жертв.

Девушка шла мимо его засады, когда уже смеркалось. Узрев момент его наивысшего наслаждения, она громко вскрикнула и кого-то позвала. Прибежал ее ухажер, схватил его за шиворот и, с брезгливым взглядом, приподнял над землей. В критический момент подвел мочево́й пузырь, и он намочил штаны защитника.

Получив хук правой рукой в челюсть, он очнулся на земле. Спасла невероятная способность лгать. Он задурил молодой паре голову, разъясняя, что присел по нужде, как раз на пути следования девушки. Так он выкрутился из неприятностей.

Жажда удовольствия правила сознанием, он не представлял и дня без наслаждений. Помутившийся от вожделения разум сегодня допустил оплошность. Зная, что дневное вре-

мя для охоты на женщин опасно, он все же не удержался от соблазна.

Выбитый из колеи привычной жизни, он чувствовал безысходность. Теперь учитель опасен, а если еще и опознал его, то вдвойне. «Нужно залечь на пару дней в берлоге, чтобы все улеглось», – думал он.

С возрастом его сексуальные желания изменились, и привычки стали другими. Прежде, дневное время для вылазок было под запретом. Главной была ночь – время страсти и вспышек оргазма. Он, спрятав лицо под шапкой веток, спускал до щиколоток брюки, оголял детородный орган, и расплывался в тонкогубой улыбке, ожидая наслаждения.

Напуганные женщины с лихвой ублажали его эго, которое еще не прошло этап развития – до супер-эго, когда в мозгах включаются запреты и контроль над инстинктами и закладываются социальные нормы поведения.

Минуты скоротечного счастья наполняли смыслом его нелегкую и унылую жизнь. Удивительно то, что мысль о сексе с жертвой – казалась ему грязной и непривлекательной. Его оргазм был девственно чистым, он не касался тел грязных шлюх, таких, как его мать.

Он каждый день приходил в сад. Еще пострелёнком, он изучил каждый кустистый закоулок. Он наблюдал как весной, неутомимые шмели, обескураженные душистостью цветов, купались в их чреве, наслаждаясь, словно любовники в постели возлюбленных дам. Ему нравилось часами слушать

песню сада.

А летом, пресытившийся солнцем, дождями и ветром сад, услаждал его спокойствием, радовал первыми плодами.

Детвора слеталась в него со всей округи. Залезала на ветки, и уплетала с дивным вкусом шелковицу. Он тоже, перепачкав одежду, руки и рот в чернильный цвет, отъедался ягодами.

К середине лета, ему на радость, поспевали крупная радужная черешня, сладкие, словно мёд абрикосы и сахарные белые сливы.

Сад облюбовали не только насекомые. Здесь можно было наблюдать за жизнью людей. И он наблюдал, спрятавшись в густых ветках.

Среди людей есть такие, как он, сладострастные натуры.

Сад открыл путь к наслаждению, такому же сладкому, как плоды.

Он не знал определения своим странным наклонностям, не смог бы произнести без ошибок сложное слово – эксгибиционист, и не ведал, что подпадает под классификацию – садистический тип.

Он получал невиданное удовольствие от вида страха у жертвы, ведь других услад в жизни, он пока не познал. Сознание молчало, когда он непристойно оголялся. В погоне за взглядами женщин, он ровно паук, часами выжидал жертву в засаде.

Демонстрируя плоть, он при оргазме видел яркие вспыш-

ки, словно разноцветный каскад фейерверков зажегся на черном небе. Фантазии распалили страсть в момент охоты. Для него не имели значения ни возраст, ни совершенство лица, ни происхождение дамы.

Вылазки участились из-за желания импровизировать. В воображении ему не было равных. Чтобы получить всплеск чувств, он представлял яркий образ, – перекошенное от ужаса лицо, гортанный крик или вопли. Он мечтал стать победителем и повелителем девичьих сердец.

Ведь все те тетки, на всю жизнь, запомнят его, как альфа-самца. Так думал он, и был прав, потому что, пережив страх, не многие способны избавиться от страха вновь стать жертвой насилия, хотя и не физического.

С каждой удачной охотой уверенность в том, какой он сильный и значимый самец, крепла. Стоило женщине взглянуть на его крепкий детородный орган и вскрикнуть, как душа возносилась от удовольствия до луны. Блаженствуя, он секунды пребывал в нирване. Семязвержение освобождало от напряжения.

Ночные похождения заканчивались удачно. Жертва с криком убегала, а он, убажанный, засыпал с чувством собственной значимости.

Лишь, однажды, непугливая баба грозила оторвать ему «хозяйство», это было самое большое устрашение от женщины за всю историю его побед.

Когда чёрные ночи наскучили, на смену пришел азарт. Он

грезил о ликах своих жертв, их взглядах полных ужаса. Это довлекло над страхом быть рассекреченным. Жизнь сродни волку-одиночке, его не обременяла. Он жаждал быть признанным альфа-самцом в стае себе подобных.

С некоторых пор он воцелился юных дев. Девочка-мечта, которая однажды взбудоражила его кровь, удвоила желание стать главным самцом. Как оказалось, он испытывал слабость к скромницам, через них дикарь самоутверждался.

Уступив искушению зайти очередной раз в школьный сад, сластолюбец позабыл о собственном запрете охотиться днем. Впервые его преследовали, и теперь, задыхаясь от страха, он ожидал расправы.

Притаившись, он долго оправлялся от стресса и, вернувшись в действительность, робко бранился за собственную слабость и звериное желание выследить школьницу. Бесстыдный фантазёр, все чаще, думал о взгляде девочки, захватившей в плен его сердце. Но охота, чуть не стоила обличения.

Учитель оббегал близлежащие дворы и улицы в поиске гнусного существа, точнее не скажешь. Удручённый промахом, он вернулся в школу без трофея, чтобы по-отечески успокоить детей, предупредить об опасности, обсудить с учителями инцидент и вопросы, как защитить ребят от подобных сволочей.

Отдышавшись в глубине обветшалого подвала, вымотанный до предела, ночной охотник, как животное упал без сил

на запасенное для ночлежек старое одеяло.

Пока не стихнут волнения в школе, он не покинет убежище. Он оставался здесь каждый раз, когда в доме матери намечался скандал. Серые стены подземелья защищали его от людской ненависти.

«Следующий день будет удачнее», – с надеждой на лучшее ночной охотник заснул.

На экстренном собрании школы обсудили вопрос запрета посещать детьми школьный сад без сопровождения взрослых. Директор сообщил о происшествии в правоохранительные органы.

В милиции внимательно выслушали физрука, выяснили подробности о преступнике. Сведения об эксгибиционисте для участкового были не пустой болтовней, потому что участились жалобы женщин на мужчину, пугавшего их в темное время суток – то в парках, то в кустистых скверах. Родители боялись за детей и не отпускали гулять без присмотра.

Но все старания районного отдела внутренних дел были напрасны и мужчину со странным пристрастием не нашли. Уж больно много в их краях любителей мерзких развлечений, которые ловко прячутся и меняют места ночной охоты.

Время стирает из памяти людей злодеяния, ведь они тяжкая ноша для души.

Жизнь приграничного городка скрашивали солнечные ве-

сенние дни. Горожане жили привычно скучно, в некоторой степени беспечно, не роскошествуя, праздновали знаменательные даты.

Пропорционально отдаленности от мегаполиса, темп жизни в глубинке замедлялся. Малонаселенный район избавлял аборигенов от автомобильных пробок и городского транспорта набитого людьми в часы пик. Отсутствие индустриального шума такого, как в столичных городах, уносило прочь тревогу, замедляло скоротечность мыслей, умиротворяло и уравнивало дух горожан. Здесь ковался сдержанный характер. Вдвое прирастало население, а значит, дети рождались чаще, чем умирали старики. Царило внешнее благополучие.

Отношение к бытию было иным. Жили люди по собственному разумению и правилам местечкового социума.

В районном центре противоборствовали зло и добродетель, как, впрочем, и везде.

Гармонию мирного существования нарушал груз «двести» из Афганистана, где произошел военный конфликт, в котором участвовал Советский Союз.

Власти СССР решили внедрить прокоммунистический режим в дружественном Афганистане. Защищая и укрепляя южные границы, преданные сыны Отечества, сражаясь в боях за Родину, – гибли.

Косвенная же причина конфликта была до банальности проста и ужасна, как и все, что связано с войной.

Задумка, – испытать новое оружие на территории дружественного государства и параллельно приобрести навыки ведения боя офицерами, не ведавшими Второй мировой войны, – стала главной целью.

Главарь исламского движения – деревенский проповедник мулла – возглавляющий пуштунов и потерявший глаз в борьбе за власть, обещал своему народу мир. Победив страну Советов, он планировал ввести на своей Родине шариат.

Войну Союз затянул надолго из-за жажды обуздать нерегулярные вооруженные формирования моджахедов, прозванных «душманами».

Для советского народа было неважно, какие причины для войны. Людей волновало одно, – их сыны гибли на чужбине.

Тела солдат привозили в цинковых гробах. Полтора десятилетия останки доставляли военно-транспортным самолетом по прозвищу «Черный тюльпан», – груз значился «двести». С ранеными приходил груз «триста», «сотый» – с боеприпасами, деньги числились под номером «семьсот».

Государство отмазывалось от требований матерей, – разъяснить, ради каких целей отдавали жизнь их сыны, – присвоив посмертно звание Героя Советского Союза воинам афганцам.

В гробах оставляли окно, чтобы опознать погибшего бойца, а изуродованные тела доставляли закрытыми. Часто родственники не знали, кого хоронят.

Неведение давало робкую надежду, что сын жив или про-

пал без вести.

От осознания, что на войне убивали жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, труп за труп, вырезали, якобы врагов, семьями – малых и старых, у солдат, вернувшихся на Родину, начались проблемы с психикой.

Участь защитников чужого отечества была предрешена. Они спивались, считая себя убийцами. Матери были несчастны, видя страдания сыновей, присягнувших государству не разглашать тайну о войне.

Прибытие груза «двести» было горестным и эпохальным событием, как и День Памяти.

На похороны отовсюду стекался народ. Отстояв часы, в ожидании проститься с воином афганцем, люди скорбели, не понимая, что за война на чужой земле уносит жизнь их сыновей.

За годы страна потеряла десятки тысяч солдат.

Призывники, не желая сражаться, без энтузиазма ждали распределения в места военных действий за рубеж, зная, как много молодежи полегло в пустынях Афгана.

Выбора не было. Попрешь против государственной политики, – сядешь в тюрьму за дезертирство.

Хочешь, не хочешь – убивай.

Повествуя о войне, я только означила время событий в романе, а речь пойдет об ином.

Цензура, в те времена, была жесткой и сдерживала СМИ,

чтобы не распространять информацию о любых ЧП, дабы не посеять панику среди народа. Однако людская молва неутомимо разносила сведения о том или ином событии, которое с каждым новым рассказчиком обрастало сомнительно правдивыми эпизодами.

Глава II

Сон в руку

Лето, – время теплых дней и мечтаний об отдыхе.

В предрассветный час зеркальная гладь всё ещё отражала звёзды. В такую рань Потапу страшно хотелось спать. Угрюмый рыбак смачно зевнул. У него привычно заклинило челюсть. Умелым движением он вставил её на место, комично пошамкав губами.

Клубящийся туман скрыл дальний берег, и озеро казалось бескрайним океаном.

Потап вдохнул полной грудью молочные испарения, кончики пальцев чувствовали их липкую сущность. Дымка неспешно поднималась над серой водой, и заволокла паутиной облаков безбрежное небо.

Иллюзия присутствия сказочных персонажей: леших, русалок и различных водяных духов, прятавшихся под толщей воды, несомненно, будоражила воображение. Словно свинцовая, поверхность воды оберегала жизнь озерных обитателей, и только пузырящийся на глади болотный газ, указывал на их присутствие.

Изголодавшийся по рыбалке Потап дожидался восхода, который в одночасье отправит всякую нечисть на дно, освободит от гнетущего страха темноты и окончательно его раз-

будит. Он был на седьмом небе от счастья, что вырвался на свободу от рутинной ежедневной работы.

Деревянная лодка мерно качалась от бесконечного забрасывания удилица. В такие мгновенья Потап ощущал себя младенцем, нежащимся в люльке. Если бы не рыбацкий азарт, он сладко уснул бы в этой колыбели.

В надежде выловить крупного леща, он без устали следил за погружением поплавков, то и дело дёргал удочки в момент их малейшего крена. Наслаждаясь клёвом, он воистину грезил о наваристой ухе с добавлением водки, словно в жизни не ел ничего вкуснее.

Смоляная кудряшка выбилась из-под светлой кепки, желая засвидетельствовать торжество восхода. И вот... Тьма отступила.

Яркий луч коснулся кристально чистого озера, скользнул по глянцевой поверхности, будто конёк по льду, и ознаменовал восход неистовым светом, опалив роговицу заядлого рыбака.

Шкипер опешил от развернувшегося зрелища и утёр брызнувшую слезу, прикрыл ладонью карие глаза и, щурясь от ослепительных вспышек на воде, боялся упустить момент истины, – победу света над тьмой.

При взгляде на зарево сквозь густые ресницы в зрачках заискрилось удовольствие, а гусиные лапки у глаз озарили счастьем дерзкое лицо.

Божественный очаг согрел одинокую душу и, испарив

предрассветную мглу, отправил в небытие липкий страх темноты.

От солнечной лучины зажглось багряное зарево. Вспыхнув над лесом, кострище обрядило в алые платья, зацепившиеся за изумрудную шапку леса белоснежные облака.

Гладь озера вторила небесным переменам.

Ценитель природы обожал яркие минуты восхода, краше мог быть только закат. Дрожащее мохнатое зарево долго золотилось на горизонте, пока рыжее солнце не поднялось высоко над лесом.

В душе поэт, пахарь голубой нивы на мгновение застыл, чтобы испить до дна залитую солнцем чашу. Серебристые всполохи варварски слепили, мешали следить за остроконечными поплавками, которые, то и дело, меняя цвет, растворялись в свете солнца.

Гурман природных явлений не мог упустить момент коронации водяных принцесс. Кувшинки распустились и, обнажив прелести, выставили на суждение миру непревзойдённую красоту. Сверкая жемчужной росой, они катались на легких волнах непрестанно убегающих от лодки.

Не желая упустить момент поклевки, Потап урывками любовался янтарными и белоснежными лилиями, комфортно устроившимися на изумрудных сердцах.

Проснувшиеся комары, взяв высокую ноту, противно пищали над ухом, отрезвив мозг, впавший в негу от прохлады раннего утра. Рыбак отмахнулся от присосавшегося к губе упыря, но изголодавшееся по крови насекомое перебралось выше и впилося в густую бровь. Другой комар кусал тёплую

щёку.

Потап, дёрнув удочку с ушедшим под воду поплавком, свободной ручищей раздавил хрупкие тельца вампира, намазав родной кровью пол-лица.

В ту же секунду крючок зацепил улов, согнув удочку в три погибели. Добыча не давалась в руки, застряв поодаль от лодки. Предстояло, как следует, повозиться.

Удильщик заправски повернул козырек на затылок, чтобы не мешался и, сидя на корточках, перебирал леску, подтягивая крючок с зацепившимся грузом к борту.

Мысль о крупном улове добавила азарта. Почесав вспотевшую макушку, он, не дыша, сунул рыболовный подсачек под добычу и поднял трофей на поверхность.

В момент, когда из-под воды показался покрытый тиной мохнатый шар, удивление скользнуло по загорелому лицу. Бывалый рыбак, разглядывая объект, взял его в руки и, осторожно сняв наплывшую зелень, оторопел.

Перед ним словно восстал сам черт из преисподней. Рука держала изуродованную человеческую голову со снесённой макушкой. Череп до краёв заполняла желеобразная масса, которая липла к рукам. Он даже не понял, что произошло. Вязкая дрянь вспенилась и медленно вытекала через край.

От прилива крови в глазах потемнело, пошатнувшись, он чуть было не свалился за борт. Удочки плюхнулись в воду.

Брезгливо отброшенная полуразложившаяся часть тела покатила по лодке и застряла между сиденьем и дном. По-

тап наклонился, чтобы детально рассмотреть озерного Вия.

Плотно закрытые веки, расплюснутый нос, открытый выщербленный рот на гладком, будто арбуз, лице, вызвали у него приступ тошноты. Глаз открылся, и зрачок затянутый катарактой, уставился, точно, на Потапа.

От тусклого мертвенного взгляда его прошиб озноб до самых костей. Рыбак рухнул на сиденье, словно скошенный косяй смерти. Оглядев руки, Потап лихорадочно потряс кистями, чтобы освободить пальцы от бурой слизи сродни крови.

Перегнувшись за борт, он до боли тер руки, неистово смывал кровь, ввевшуюся в кожу каждой молекулой. Казалось, она навсегда прикорела к рукам.

Обессилив, рыбак стал задыхаться и, будто рыбешка на суше, начал биться в конвульсиях.

Дьявольский кошмар сковал тело, сбившееся дыхание ускорило сердечный ритм. Крепко держась за борт, Потап наклонился, чтобы попить озерной воды. Губы коснулись живительной влаги, и он с жадностью хлебал, утоляя жажду.

Лодка накренилась и, когда через край стремительно хлынул поток воды, он, не удержав равновесия, кувыркнулся в озеро. Вода обожгла лицо холодом и залила горло и нос.

Потап равнодушно наблюдал за собственным утоплением. Он видел, как тело, будто в замедленном кадре, падало на илистое дно, как в предсмертных судорогах исказилось его лицо. Когда из лёгких вышел на поверхность воздушный пузырь и лопнул, он понял, что задохнется и умрет. Ему катастрофически хотелось вдохнуть каплю воздуха.

Зажав рот и нос, чтобы не нахлебаться воды, он, активно двигал свободной рукой и ногами, пытаясь всплыть, но что-то крепко держало под водой.

С трудом разлепив глаза, Потап разглядел рядом мирно спящую жену. Вернувшись в реальность, он подскочил, до смерти испуганный повертел головой, соображая, где находится и подумал:

– Фу! Мерзость. Хорошо, что это сон! Не к добру, видать... – он выругался, и ладонью стёр холодный пот со лба, опустив ноги на пол, надел любимые тапки.

Шаркая, пошёл на кухню, и, осушив залпом стакан воды, сел на табурет. Свесив от бессилия руки, он уставился в одну точку на цветном линолеуме. Замерев в ступоре, даже не дёрнул ни единым мускулом. Он, словно пребывал во сне, пока жена Лидочка, прискакав следом, не привела в чувства.

Синие в белую полоску семейные трусы и взъерошенные волосы мужа смешили и злили одновременно. Лиду раздражало, что Потап снова разбудил ее в неурочное время. Она смущалась того, что предстала перед благоверным босая, да еще и в ночной сорочке с бигуди на волосах под косынкой. Хотя, отлично скроенная, с кружевной вставкой на груди сиреневого цвета ночная сорочка, с замысловатым рисунком в виде разводов, облегла стройную фигуру и подчёркивала аппетитную грудь.

Неопрятный вид супруга раззадорил игривое настроение и женушка, запустив пальцы в смоляную копну, взлохматила и без того торчащие кудри. Улыбнувшись, она поцеловала его в макушку, быстрым движением пригладила взмокшие волосы, уложив в строгую причёску.

Лида наклонилась и, взглянув в растерянные глаза любимого, ласково потерлась лицом, будто кошка и мякнула:

– Ты мой Арлекин...

К вышколенной, работой мужа в правоохранительных органах, верной подруге с годами пришло озарение, что форма обязывает сотрудника милиции в любое время суток соответствовать ей.

Муж размяк в нежных руках черной кошечки и, поцеловав ее хрупкую ладонь, в очередной раз завоевал преданное сердце:

– Мне кажется, что произойдет несчастье... – он погрустнел. – Когда снятся жуткие сны – жди беды.

Пару секунд ужасающего сновидения испортили Потапу, в коем-то веке, выдавшийся полновесный ночной сон на собственной кровати.

Каждую ночь он думал о том, как придет домой, уместится у родного теплого тела любимой супруги, утонет в сладких объятиях и уснет без сновидений. Работа украдал спокойный сон навсегда.

Одарив страстным взглядом Лидочку, он прижался головой к мягкому животу. Уловив благодарные вибрации души, она молчала, наслаждаясь теплым дыханием супруга.

Жене, готовой охранять покой мужа, мешал темперамент огненной лошади. Бездействие более пары минут, – непосильная задача для кобылки, – обладательнице свободолюбия. Шило в мягком месте поторапливало заканчивать все

задуманные дела к сроку.

Легким движением она отстранилась от манкого накачанного мышцами тела, вскочила и кинулась к плите. Брякнув чайником о решетку, зажгла газ. Ярко вспыхнув, он опалил волоски на руках, и по кухне распространился запах жженных волос. Лидочка вскрикнула:

– А-а!.. – потеряла тыльную сторону ладони, – извини.

Звонкий вскрик и запах гари возымели эффект будильника. Растрепанное сердце Потапа, после беспокойного сна, подпрыгнуло к горлу, в нем заклокотала жизнь, нахлынули приятные и не очень воспоминания.

Стянув бигуди, Лида разметала пальцами кудри, подбила чуб и, бросив взгляд в зеркало, спросила:

– Снова дурной сон? – Лида взглянула с жалостью на мужа, и он ей представился вороном, сидевшим на проводах под проливным дождем и жавшимся от холода.

Потап очнулся от хмурых мыслей и прогудел сиплым басом:

– Угу...

– Что на этот раз? – она поспешила заварить чай.

Он редко жаловался, всегда держал собственные измышления при себе и, обречённо махнув рукой, громко выпалил, словно дробью из ружья:

– Черт с ним! Отстань! – и уже более спокойно произнес: – Ну, его в болото!.. Снится несусветная муть. Я уже забыл, о чем он. Иди сюда! Гораздо важнее сказать тебе, как я тебя

люблю...

– Может пора в отпуск? – она ответила на его призыв и, положив пышную грудь на его спортивную спину, обняла, чмокнув в ухо.

Лёгкая, словно балерина, она резво двигалась по кухне, гремела кухонной утварью: сковородами, кастрюлями, дверками, ножом о разделочную доску, будто собралась штурмовать цитадель, отправляя мужа исполнять служебный долг. Потап огрызнулся:

– А кто работать будет? Если меня сослать на необитаемый остров, то и там найдут. Нынче голод на кадры, я в большой цене и незаменим, иначе, валялся бы дома в мягкой постели и не таскался бы по ночам в поиске улик, оставленных на месте преступлений человеческими отбросами.

Лидочка сопереживала супругу. Природное несовершенство людей склонных к насилию и воровству портит ему жизнь. Она считала главной обязанностью помогать и не обременять мужа домашними заботами.

– Что тебе приготовить на завтрак? Жареную колбасу с яичницей глазуньей, будешь? – она мило улыбнулась, потому что знала ответ.

– Отлично! – он голодным взглядом скользнул по пустым тарелкам.

Румяная колбаска, источая аромат жареного мяса, скворчала на луковой подушке, пока не скрылась под яйцами, выпуская клубы пара, словно заядлый курильщик. Кухня на-

полнилась аппетитным дымком, и у Потапа от голода заурчало в животе.

Лида росла в многодетной бедной семье. Восемь старших братьев оберегали егозу от любых домашних дел, а родители пестовали единственную красавицу дочь. Кухня была делом матери, а Лидочка, днями играя на улице с подружками, так и не освоила кулинарию.

Раннее замужество не развило хозяйских навыков, но она приноровилась готовить незамысловатые блюда на скорую руку, упрощая рецепты, которые слышала от подруг.

Шустрая и подвижная жена умиляла мужа своим присутствием.

В благодарность за то, что Лидочка подняла боевой дух, шалун, позабыв удушающий сон, огладил её круглый зад, обнял, крепко прижал к груди и, после продолжительного поцелуя, направился в ванную. Любитель душа пыхтел под слабыми, из-за отсутствия напора, холодными струями воды, насвистывая любимую мелодию.

Пока жена сервировала стол, Потап привёл в соответствие с уставом внешний вид, окатил выбритое до блеска лицо дешёвым одеколоном, обтёр надушенные руки о китель и в полной боевой готовности приступил к трапезе.

Лидочка, как всегда, оживлённо щебетала, даже птицу заводить не надо. По утрам беседа с женой часто не клеилась, будто ему уста залепили пластырем, изматывали ночные вызовы на работу.

Болтливость была не в характере молчаливого сангвиника. Лида лопотала за двоих, а он, верный пёс, угрюмо выслушивал бабский вздор и со всем соглашался.

Нельзя сказать, что он её не любил. Любил по-своему, как мог. Родную жёнушку уважал за то, что приходилось тянуть на себе домашние заботы, ведь его днем с огнём не сыщешь при работе криминалистом.

Выбранная Потапом профессия эксперта оставила на характере черту скрытого неврастеника. С виду уравновешенный и праведный, он испытывал приступы внутренней злости, от которой высвобождался во снах.

Жуткие, терзающие по ночам сновидения приходили с завидным постоянством много лет. Он удивлялся, как в голове рождались ужасные сценарии, от которых страдала каждая клетка тела.

Он думал, что однажды сердце не выдержит чрезмерных кошмаров и от бурного сердцебиения и высокого давления больше не увидит мир. После пробуждения чёртовы сны не оставляли ни капли здоровой плоти. Тело нестерпимо ныло, как у разбитого параличом старика.

Потап помнил тот страшный день, – первое расследование гибели людей. Невыносимая боль поселилась в нём навсегда. Он был молод и только заступил на должность эксперта-криминалиста.

Пожар, случившийся в зимнюю стужу в доме многодетной семьи, навсегда оставил в душе выжженное от сострадания

клеймо. Злосчастный день на века сохранил в памяти смерть детей, лишив спокойных ночей. Кошмар всплывал при виде малышей, без присмотра оставленных родителями на милость природы.

Дети погодки остались дома одни, потому что мать повезла годовалого сына в больницу, чтобы просветить рентгеном посиневшую руку, после падения с печи.

Пламя свечи у иконы Божьей Матери захватило тюлевые занавески...

Потап помнил каждую мелочь, как под ногами вызывающе громко скрипел почерневший на многие метры от пепелища хрустальный снег, словно несчастье случилось вчера.

Первое, что бросилось в глаза по приезде на место пожара, – обугленный сруб на черной земле на фоне сгустившейся тишины. Неуёмный огонь навсегда задушил детский смех, раньше доносившийся из этих окон.

Хруст снега под ногами казался непристойным, словно нарушал покой усопших. Он помнил покрытое сажей старое пианино, сиротливо возвышавшееся над сгоревшими половицами. Закопчённую печь с отвалившейся задвижкой, погребённую под стенами железную кровать, спинка которой проглядывала из-за груды обгорелых бревен. Под панцирной сеткой покрытой ватным матрасом прятались от красного петуха неразумные малютки. Уснули под ней навечно.

В сущем хаосе остались лишь обугленные останки. Судьба бывает жестока. Нет людям прощения. Жуткая картина смерти укоряла каждого присутствующего на пепелище человека в безответственности.

Образ Божьей Матери не спас ребятишек от языков пламени. Безжалостный убийца огонь унёс жизнь четырёх детей. Беспомощные перед стихией, запертые снаружи, малыши погибли. По божьей милости спасся один ребёнок, который остался в тот день с матерью.

Запах горелой плоти так глубоко ввёлся в подсознание эксперта, что спустя годы являлся ужасными снами, и не вы-

травить его из памяти впечатлительному Потапу никогда.

Не ведал он, что пожирающий душу смрад будет вечно саднить сердце, напоминая, как трудно дышать от немыслимого горя, которое сотворил огонь с маленькими жизнями.

Теперь, когда Потапу на пути встречалась безнадзорная детвора, взбунтовавшееся обоняние, извлекая увязшую в голове гарь, невольно возрождало в памяти картину пепелища, мешая жить.

Потап считал беспечность – главным врагом родителей. Его зlobила безответственность. Пары секунд наблюдений за беспризорниками хватало, чтобы воссоздалась картина трагедии.

Сыщик тщетно пытался вычеркнуть прикоревшие в глубинах мозга навязчивые страхи. Он мечтал вытравить их из сознания, но они упорно душили, заставляя задыхаться от мнимого запаха горелых тел, который преследовал до тех пор, пока подсознание не оставляло обоняние в покое.

Потап возненавидел лютые морозы и скрипящий под ногами снег, они навевали жуткие сцены пожара. Сверкающий снег обострял желание парить над землёй, чтобы не слышать мерзкого скрипа, будоражащего чёрные мысли. Вот таким был у криминалиста первый опыт встречи со смертью.

Боль со временем утихла, она пряталась в рубцовых ранах на сердце и являлась в секунды неуловимого беспокойства за маленькие жизни.

Сны с завидным постоянством мешали встретить утро в

добром здравии.

Привычным путём сытый Потап размашисто маршировал на работу и любовался восходом и облаками, стремительно нагонявшими его.

Миновав дежурного по районному отделу милиции, старший лейтенант вошёл в кабинет, увешенный экспонатами, будто городской музей. Новичка он, точно, впечатлил бы.

На стендах хранились орудия преступлений: острые заточки, ножи различных конфигураций и обрезы, кустарно изготовленные тюремными умельцами. Представленные образцы свидетельствовали, что жить в социуме небезопасно, и на улицах властвует жестокость и насилие.

Стеклянный шкаф, в углу кабинета, заполненный рабочим инвентарем для фиксации следов преступлений на фотопленку был заперт на ключ. Там лежали масштабные криминалистические линейки для определения величины предмета на снимке, магниты, ростовые линейки, стрелки, лупы, бланки с пронумерованными отпечатками пальцев.

Рядом на тумбочке стоял чемодан эксперта, в котором упорядоченно складировались реактивы, кисточки, магнитная пыль для выявления отпечатков, ножницы, пинцеты различных размеров, карандаши, точные аптечные весы с гирьками-разновесами и многие мелочи, облегчающие работу эксперта.

Наглядные пособия на стенах горделиво представляли достижения в криминалистике. Можно было ознакомиться с

тематическими стендами по трасологии и баллистике; методикой расследований и исследований документов, письма и речи. Полистать папки с фотографиями; посмотреть каталоги видеозаписей и литературу по профилю.

Оперативникам кабинет представлялся неким храмом криминалистики и путеводителем по сбору доказательств, и изучению методов раскрытия преступлений. Информация на вес золота позволяла любознательным стажерам легко ориентироваться в основных направлениях малоизученной дисциплины.

Стремительно развивающаяся наука совершенствовалась, каждый раз внедряла новые методы, сокращая процент судебных ошибок, облегчая поиск преступников.

Фотолаборатория расположилась в смежной с кабинетом комнате, в ней происходил процесс проявки и сушки плёнок и фотографий. Словно чародей, эксперт-криминалист шаманил при красном свете, являя на свет фотографии с доказательствами вины. Здесь он оттачивал мастерство фотографа. Это была его любимая работа, которая приносила успокоение и душевное равновесие.

Потап – единственный эксперт-криминалист на весь район был сам себе хозяин и главный исполнитель. Кроме него никто не имел доступ к вещественным доказательствам, и только он определял меру вины, согласно исследованиям, опираясь на науку.

Эксперт сутками работал, выезжал по первому звонку.

Исследовал место преступления и местность. Разыскивал вещественные доказательства, фотографировал на пленку следы. Затем приводил дело в соответствие с рабочими инструкциями, описывая подробно изъятые предметы.

Криминалист дактилоскопировал подозреваемых в преступлении людей. Сличал отпечатки пальцев с оставленными следами на месте преступления. Непрестанно думал о том, каким образом совершено то или иное преступление.

Времени ему катастрофически не хватало, он вечно недосыпал. Сон по пару часов в сутки накапливал усталость. Одному богу известно, как он, неутомимый трудоголик, умудрялся не зашиться в бумажной работе.

В длинном списке ежедневных злодеяний преобладали кражи с взломом. Убийства случались крайне редко, чаще всего на бытовой почве.

Потап бросил на стол ключи, глазами привычно прошелся по стендам, все ли на месте, заглянул в лабораторию, определяя нетронут ли кем-нибудь порядок, собрался с мыслями, пуская сигаретный дым в открытую форточку, и удовлетворенный вернулся к столу.

На нем аккуратно лежали папки с уголовными делами. Было очевидно, что в кабинете царил некая вероятностная система. Непосвящённому в экспертные дела было трудно разобраться в упорядоченном хаосе.

Стул податливо отодвинулся, эксперт сел и, порывшись в папках, вынул из стопки одну необходимую для разбора

улик по делу о недавней краже. Он углубился в изучение дела и провалился в иной мир, где царствуют линии, метки, сравнительный анализ и логические цепочки.

Заглянув в открытую дверь кабинета, каждый видел привычный согнутый над бумагами или микроскопом силуэт эксперта.

Ближе к вечеру в дежурную часть пришло сообщение о чрезвычайном происшествии в городском парке.

Дверь в кабинет Потапа распахнулась:

– Потап на выезд! У нас труп, – скомандовал старший следователь.

Он вздрогнул и промямлил вслед оперу:

– Когда же это закончится? – сплюнув влево, ответил: – Никогда! Сколько не лови эту шушеру, она все равно лезет из всех щелей. Твари, – поднялся со стула, сгрузил инструменты для сбора улик в волшебный чемоданчик и процедил, – будто крысы множатся!..

Он уселся в Уазик, и опергруппа тронулись в путь, Потап невзначай кинул:

– Сон в руку. Чудовищный улов – будь он неладен! – его рука опустилась в безнадеге на лучшее.

Все взглянули на эксперта. Брошенная фраза означала, что их ждет многочасовой нелёгкий труд.

Место оцепили от любопытных глаз и нечаянной порчи, оставленных убийцей следов, веревками с флажками красного цвета. Надвигающаяся темнота скрыла общую картину

места убийства, но не могла помешать прибывшей в полном составе следственной группе начать расследование.

Заморосил дождь. Перед глазами очевидцев предстала картина убийства малолетней девочки. В свете уличных фонарей чёрные листья на деревьях блистали слезами. Жалость и злость перемешались воедино.

Крепкие мужики, не стесняясь, плакали, потому что более омерзительного и кровавого злодеяния они не видели. На их жизненном пути такое гнусное зверство встретилось впервые.

Вопрос жизни и смерти взволновал всех без исключения. При виде жертвы генетически заложенный в человека физиологический компонент пробудил в мужах осознание конечности существования всех пришедших в земной мир.

Потап ближе подошел к убитой малютке. Он застыл, его лицо сначала посинело от злобы, а затем побелело, превратив в полотно для художеств, на котором отобразился ужас и гнев.

Воздух приобрел запах гари, вернув мысли к пожарищу, он словно в утреннем сне не мог вдохнуть.

Присев на корточки, он осмотрел труп. Пушковые светлые волосы малышки слиплись от крови смешанной с грязью, задранная юбочка открыла разорванную промежность и искромсанный острым предметом животик.

Прояс прощения за несовершенство злого мира, он завопил будто раненый зверь, но никто не услышал рыка, он рвал

на себе волосы, но оставался гладко зачесанным, при виде смерти он страдал физически.

Но никакие терзания не воскресят безгрешную душу.

Эксперт намеревался прижать малышку к груди и выплакаться, но очнулся в момент всеобщего затишья от зловещего скрипа старых деревьев. Казалось, что по парку пронёсся стон.

Укромное место с травой по пояс превратилось для малышки в коварную ловушку. Множественные синяки на теле ребенка удостоверяли, что перед смертью девочку зверски избили. Побои несовместимые с жизнью, повергли его в нокаут.

Сознание Потапа сплело в единый узел убийство девочки и пожар, в котором много лет назад погибли дети.

Безответственность родителей снова привела к непоправимой беде. В доказательство правоты перед ним лежала застывшая в нелепой позе малышка.

Его охватило чудовищное волнение. Гарь, став абсолютно нестерпимой, разъедала горло. Обоняние вернуло его в воспоминания, сжав смертельной хваткой.

На скулах забегали желваки, признак бешеной ярости. Потап громко скрипнул зубами, сдерживая всплеск ненависти. Закашлявшись, он отошёл в сторону и, проглотив успокаивающую нервы таблетку, вернулся к дьявольски жуткой, но нужной работе.

Сто молний от вспышки фотоаппарата обрушилось на

хрупкое тело, фиксируя следы чудовищного насилия. Завершив съёмку, офицер коснулся мертвого тела, пальцы жиганул холод, рука непроизвольно дернулась, словно он коснулся смерти, ощутив своеобразную границу перехода в иной мир.

В такие минуты надо верить в то, что существует жизнь души после смерти тела, иначе атеистический взгляд на мир принес бы разочарование в самой жизни. Для чего жить, если после кончины – нет продолжения.

Растерзанное тельце обнаружила влюблённая пара, искавшая укромное место для любви. Теперь врачи скорой помощи приводили в чувство девушку, сообщившую дежурному о смерти ребёнка, да и её парню досталось много невыносимых минут.

Страх витал в воздухе, касаясь каждого оперативника, он зловеще сгущался, очерняя души. Прогневанные люди удрученно молчали. Причиной страха могла быть как реальная, так и воображаемая опасность.

Страх проявился человеческой слабостью: одних рвало, у других кружилась голова, третьих бил озноб. Чтобы обеспечить самосохранение, работники отбросили прочь вредную эмоцию, оставив лишь конструктивный страх.

Ночь подгоняла следственную бригаду к немедленным действиям, чтобы оградить горожан от посягательств на их жизнь.

Сгустившиеся сумерки усложнили работу сыщикам. Кар-

манные фонарики, будто сверчки, трудились на ниве правосудия. Яркие лучи выхватывали фрагменты внутренних органов, разбросанных по траве, превращая ночь в фильм ужасов.

Жестокая расправа не умещалась в головах, ставя вопросы: зачем и почему? Кому может помешать суший ангел, за какие грехи девочка отвечала перед господом? Чёрная ночь упорно скрывала следы, но сыщики, ползая на коленях по мокрой земле, искали любые зацепки.

– Ей, – Потап прокашлялся от хрипоты, – не больше пяти лет.

Он так тихо говорил, что себя еле слышал.

Юный стажер дрожащей рукой конспектировал заключение эксперта, старался отвести взгляд от трупа в ночное небо:

– Проломан свод черепа, внутренние органы разбросаны по траве в радиусе пяти метров, – Потап украдкой утер слезу на щеке, покрытой бордовыми пятнами. – Мочевой пузырь и почки имеют повреждения.

При его профессии всегда нелегко смириться с правдой жизни.

Давая предварительное заключение о смерти, эксперт высветил лицо убитой девочки. Золотые серёжки нелепо сверкнули в свете фонарика, а нательный крестик свесился до голубой подмышки тоненькой, словно у воробья ручки, качнулся, будто извиняясь, что не уберёг.

На тельце не нашлось уцелевшего места. Вырваться из костистых рук смерти ребенку не удалось, она окутала её белым саваном, и бог забрал душу малютки в рай, чтобы она не испытывала мук в момент убийства.

Старший лейтенант знал, что добытые вещественные доказательства послужат главным аргументом обвинения и станут неотъемлемой частью правосудия.

Изучив на отлично криминалистику, которой более ста лет, он мог достоверно установить механизм преступления по извлеченной информации с места его совершения. Основываясь на следы и доказательства, всегда можно вычислить закономерность в действии преступника.

Потап, измазав брюки в скользкий чернозём, превратившийся от дождя в липкий пластилин, ползал по огороженной территории, будто собака ищейка, вынюхивая маломальские следы. Ответственность, словно гильотина, зависла над ним, ведь от качества его работы и смекалки зависел исход расследования.

Способный к анализу и синтезу, эксперт умело выводил логические заключения. Главная его задача была неизменной, – найти доказательства вины, осудить опасных преступников и изолировать от общества.

Смерть была ему ненавистна. Всякая насильственная смерть отзывалась нестерпимой болью в железном, как он думал, сердце, поднимала давление в сосудах, от чего сильно разболелась голова:

– Чертова работа не принесёт успокоения, пока не вымрут все ублюдки. Изловить их одним махом, чтобы дети не знали слово смерть! Наверное, это утопия...

Откинув сантименты, дока включился в расследование, рисуя события той ночи, каким образом насильник и убийца лишил жизни дитя.

Не зная покоя душа, настойчиво воскрешала из памяти воспоминания об умерших на пожаре детях, заполняя горечью рот.

Количество оставленных следов на месте чудовищного убийства удовлетворило профессиональный голод Потапа, и теперь владея ключом к раскрытию преступления, виновность доказать несложно, но вычислить преступника по уликам сложно. Нужен особый нюх или банальная удача. Дело оставалось за следователями.

Больше всего эксперт ненавидел корыстных ментов, тех, которые не спешили выполнять служебный долг. Дела оставались не раскрытыми чаще из-за беспечности и профнепригодности нерадивых элементов в структуре правоохранительных органов.

Потап сожалел, что от него на этапе следствия мало что зависело.

Намерения насильника, по его мнению, не укладывались в общие понятия об убийстве. Ничто не указывало на конкретное лицо, кроме того, что его совершил мужчина, из-за наличия спермы на одежде ребёнка.

Эксперт предварительно установил, скрывал ли злодей следы, каким образом убивал и, анализируя полную картину, сделал выводы о спонтанности убийства, яростного по воздействию к жертве, и предположил, что совершил его человек с отклонением в психике, настоящий маньяк.

Приобретённый в кропотливой работе профессионализм, высокая помехоустойчивость, склонность к исследовательской деятельности и логическому мышлению, психоэмоциональная стабильность все эти качества помогли эксперту в полной мере исполнять служебный долг.

Он не жаловался на душевные раны и боль, умело справлялся с переживаниями, не отвлекался на жизненные мелочи и мог длительное время держать в закоулках памяти неразгаданные загадки, на которые рано или поздно мозг даст ответ.

Осмотр близился к концу, Потап наклонился над ребёнком, повернул кверху крохотный кулачок, в нём был зажат предмет из чёрной пластмассы. Аккуратно разжав пальцы и изъяв улику, он осветил на нее фонариком и установил, что предмет с одной стороны был испачкан клеем.

Изучив форму и обнюхав вещь, криминалист пытался выяснить происхождение, но не найдя ответ, упаковал вещдоки в специальный пакет, а неразгаданную задачу забросил в святое хранилище опытного криминалиста, – мозг.

Заковыристая задача теперь будет крутиться на подсознании, словно заезженная пластинка. Уж такой у старшего лей-

тенанта был склад ума от рождения.

Выкурить папиросу в момент сильных переживаний и осмысления было делом святым. Поднявшись с колен, праведный копатель глянул на мрачное небо, вынул из кармана пачку «Беломора» с надорванным уголком в торце и, ударив о ладонь, вытолкнул папиросу. Взяв ее за край, он размял пальцами табак, сдул прилипшие частицы и, всунув в пухлые губы, зажал смятый конец ровными желтыми от постоянного курения зубами.

Чиркнув спичкой о серу, он поднес огонь к краю папиросы и втянул дым, опалив пальцы огарком. Утоляя никотиновую жажду, криминалист осмысливал принадлежность найденной улики.

Выпуская дым из легких, он словно освобождался от горечи утраты, теперь ничто не мешало активной работе мозга, и профи вернулся к размышлению о вещице, сопоставляя её с похожими предметами, задаваясь вопросом, откуда взялся кусок пластмассы в руках у ребёнка.

Изрядно подымив, он не приблизился к ответу, и с последней затяжкой курильщик отложил размышления на потом.

Глядя на хрупкое тельце ребенка, Потапу захотелось все бросить и убежать домой. Обнять дочь, и не отпускать ее. Лечь у ног, словно сторожевой пёс, и охранять дитя. И, пока он на службе, нет гарантий, что дочь подросток, рождение которой с нетерпением ждал, находится в безопасности.

Ограничения прогулок по улицам родного города не за-

щитят ее от смерти, потому что для преступления нет преград. И кто, если не он, с его опытом работы, будет стоять на страже закона, исполнять долг перед Отечеством в ущерб здоровью. Это его осмысленный выбор.

Ползая на коленях, он прочёсывал руками, будто граблями высокую траву, сыщик со скрупулёзностью ювелира упаковывал в стерильные пакеты найденные волосы, кусочки ткани, биологические жидкости, зная, что ошибки и небрежное отношение к доказательствам отправят следствие по ложному пути.

Выполняя работу, он рассуждал о том, как жесток и не совершенен мир: «Сколько же должно пройти лет, чтобы люди превратились в гуманных существ? – задавался он вопросом. – Воины, голод, стремление к власти, жажда наживы – порождали, и будут порождать зло. Лучшие умы безрезультатно бьются в поиске пилюли от зла, и ещё вечность её не найдут. Такова человеческая природа». – Заключил он.

– Потап, долго еще будем искать? – Борис, юный опер, промокший до нитки, нетерпеливо топтался у трупa, ожидая разрешения погрузить тело в труповозку.

Ярый противник беглых осмотров Потап приложил максимум усилий к поиску улики, опасаясь, что вещественные доказательства могли не попасть в поле зрения следователей. Он точно знал, что время, затраченное на осмотр места ЧП, окупится сторицей. Ни стихия, ни непредвиденные обстоятельства не свернули бы его с праведного пути.

Он не отвлекался на разговоры, боялся упустить важные моменты. Соратники, привыкшие к его манере работать в тишине, не цеплялись к нему с вопросами. Потап знал, как никто из присутствующих, ценность улики.

Криминалистика молодая наука, она постоянно совершенствуется, и новые методики исследований определяют виновного даже спустя годы. Убийца обязательно предстанет перед законом за совершенное злодеяние. Он был уверен, – безнаказанности не будет.

– погоди, сынок, спешить. Потом не восстановишь того, что упустишь.

Каждый раз наблюдательный аналитик, благодаря особому складу ума, погружаясь вглубь проблем, разгадывал мотив и посыл, обобщая полученный опыт. В поиске доказательств он опирался на собственные ощущения, выстраивал из фрагментов картину преступления, представлял её обзорной.

Опытный сыщик крайне редко ошибался и до тошноты боялся поспешных выводов. Сильный логик желал услышать от оппонентов неразрывную цепь суждений, пошаговый ход доказательств, без потерь любой частицы звена.

Он тщательно взвешивал иные заключения и с трудом принимал слабые доказательства, терял уравновешенность и почти срывался на крик, если обнаруживал недостающее звено в цепи рассуждений.

Недоверие позволяло быть лучшим экспертом.

Пока он изучал место преступления, следователь доложил имя пострадавшей. Ею была пятилетняя Ирина Красикова. Личность установили быстро, сверив списки пропавших за последнее время детей.

Данные о похищенном у девочки имуществе, помогли бы установить мотив убийства, однако ценные вещи были не тронуты, что наводило на мысль о причастности к убийству не вора. Другой из версий была месть.

Взглянув в последний раз на место преступления, Потап представил лица родителей, когда им сообщат о жестоком убийстве их дочери и горечь обожгла горло, язык разросся и, будто стал кактусом, мешающем глотать. Ему, словно снова перекрыли доступ к воздуху от осознания, что глумливая смерть забрала дитя. Он безудержно закашлялся. Будто извиняясь, он отошёл от места смерти. Взглянув на часы, эксперт понял, что снова проведет ночь на жестком казенном стуле в кабинете.

Бессонная жизнь вошла в привычку. Ради идеи наказать преступника, он проводил на работе дни и ночи в любую погоду, будь то дождь или палящие лучи солнца. Часто взясь в грязи, без еды и воды, он забывал о себе, о желании провести лишнюю минуту с семьей. Усердию Потапа мог позавидовать любой опер.

Ближе к рассвету, Потап шагал нордическим шагом к дому, каблучки гулко стучали об асфальт, дождь давно прекратился, наступила гробовая тишина, мир прощался с без-

грешной душой. Чёрные глазницы пятиэтажек скорбели о девочке, жертве убийцы.

Криминалист ушел с головой в детали преступления, и чуть не прошел мимо родного дома. Очнувшись, он свернул в проулок с мыслями, что пару часов подремлет и вернётся в родимый кабинет устанавливать справедливость.

Кусок пластмассы, изъятый из рук малышки, будто осколок от пули, застрял в голове пытливого сыщика. Мысль о нем, словно заезженная виниловая пластинка, будет кружиться в закоулках памяти, в поисках ответа на вопрос: «Что за предмет?», до тех пор, пока эксперт не решит уравнение с двумя неизвестными членами.

Опухшая от дум голова коснулась подушки, и Потап провалился в черную бездну Морфея.

Голосистый будильник разбудил стража порядка. Словно по команде: «Подъем!», он вскочил и с благодарностью подумал: «Доброе утро! Без снов...»

Работая уже десяток лет в родном городе, Потап приобрел огромный опыт и уважение коллег, что позволяло участвовать в расследовании значимых уголовных дел не только в качестве эксперта-криминалиста.

К его версиям о преступлении прислушивались, приглашали на допросы, как компетентного офицера. Некоторые побаивались его острого словца.

Единственный в районе криминалист был по уши загружен работой. Уйти в отпуск стало главной проблемой неза-

менимого труженика. Сколько раз он просил начальство дать помощника, но с кадрами была напряженка. Нехватка времени на отдых все же выбивала его из колеи и он, бывало, отсыпался сутки, если удавалось.

После очередного отпуска бумажная работа накапливалась, и он разгребал все сам. Никто не мог заменить эксперта, ведь для работы требовались специальные знания и опыт.

Целый день Потап упорядочивал улики, писал заключения, оформлял бумаги, давал задания следователям, выдвигал предположения. Определялись возможные преступники. В подозреваемых числились пару десятков лиц, опрашивали соседей, знакомых и родственников.

Убийство расследовали по нескольким направлениям.

В поле зрения попали не те лица, и дело застопорилось.

Установленное судмедэкспертом время смерти ребёнка могло облегчить поиск свидетелей, но их так и не нашли.

Благо у эксперта были единомышленники.

Судебный медик, уважаемый друг Потапа, приложил немало усилий, поддержав его в разработке методики по расследованию убийств с особой жестокостью. Они обоюдно решили привлечь к сложному делу врача психиатрической лечебницы, который помог составить психологический портрет хищника и привычки психопата.

Дело по убийству ребенка оказалось трудным и запутанным, не поддавалось никакой логике.

По мнению честного детектива, истинность преступления

должна быть признана, когда доказана полностью. Презумпцию невиновности никто не отменял.

Вещдоки эксперт сверял по правилам криминалистики. Он считал аксиомой правило, что, только установив мотив, можно доказать виновность. Мотив в деле убийства был неясен.

Потап знал, что при обвинении обязательно нужно использовать не только судебные ритуальные формы, изъятые при задержании вещественные доказательства: предметы, следы, микроследы, жидкости, орудие, но и человеческий разум. Требовалось исключить самооговор и ошибку следствия.

Вне работы старший лейтенант беспрерывно думал о совершенном преступлении, копался в мелких деталях нераскрытого дела. Аналитический склад ума не мог оставить разорванной цепь событий при совершении убийства. Недостающее звено, – кусок пластмассы, в деле о маньяке помогло бы раскрыть суть преступления, но Потап не находил ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.